

Булат Нигматулин: Здравствуйте. Во-первых, я всех вас приветствую. Во-вторых, спасибо, что пришли все, кого я пригласил или пригласил оргкомитет. В-третьих, конечно, жаль, что так мало, но я надеюсь, что будет так интересно, что все те, которые не пришли, будут нам завидовать, вам будут завидовать. Это первые вводные слова. Вторые вводные слова – это то, что ТЭК – это все наше, все ваше для некоторых, но для многих не наше. Их, но не наше. И я бы хотел бы основной нерв нашей сегодня дискуссии и круглого стола показать, что все это не наше. То, что их – да, но не наше. А может быть, я надеюсь, что кто-то из моих спикеров или в связи с выступлением или с вопросами скажет: «Ошибаетесь, уважаемый профессор. ТЭК – это все ваше и наше, и поэтому нечего на них нападать, потому что без этого ТЭК вы все ноги протянули бы». И это тоже правильная позиция.

Ну, что ж, давайте начнем. Для того чтобы был разогрев, я постараюсь не затягивать те самые восемь минут, которые всем и себе поставил, рассказать о внутренней позиции положения в ТЭК для внутри страны. И начать с ликвидации неграмотности профессоров, академиков, начальников и всех присутствующих, а как считать – самое главное – в наших отношениях это цену. Цену энергоносителей, электроэнергии внутри России в сравнении с другими странами, потому что даже сегодня на одной из первых презентаций было сравнение. Химик выступал, руководитель какой-то химии. Средства защиты. И он сравнивал наши все цифры. Экономику. Брал ВВП в долларах Центрального банка, и все это сравнивал, делил, получал какую-то глупость. И все время оправдывался, что это валютные курсы не те.

Я буду говорить о том, чтобы не ссылаться ни какие валютные курсы, а на самом деле как сравнивать, что считать и как быть с ценами на энергоносители. Но в начале эпиграф Михаила Михайловича Салтыкова-Щедрина, который сказал: «Горе – думается мне – тому граду (то есть компании ТЭК), в котором и улица, и кабаки (и департаменты) безнужно судят скулят о том, что собственность (коммерческая тайна) священна! Наверное, в граде сем (в этой компании ТЭК) имеет произойти неслыханнейшее воровство!»

У нас можно сравнить цены на продовольствие в России и в Соединенных штатах – бигмак. Хлеб, мясо, все услуги и прочее, и прочее. Бигмак. В России бигмак стоит 130-140 рублей, в Америке чуть меньше из пяти долларов. Делишь одно на другое – 27 рублей. То есть по продовольствию у нас коэффициент пересчета 27 рублей. Если взять 100 000 товаров и услуг ВВП, сравнить эти стоимости в американских ценах, в американских долларах, пересчитать одно на другое, получим те же самые 27 рублей. И начиная с 2005 года, отношение одного продовольствия ко всем ценам товаров и услуг, которые представляют ВВП, плюс-минус 15%. То есть продовольствие – это мерило, а продовольствие – это наше все, особенно потребительских товаров, сегодня российских домашних хозяйств и всех других хозяйств. То есть по продовольствию и по всей картине ВВП 27 рублей.

Теперь вторая вещь: давайте простые соотношения – затраты конечных потребителей в долях ВВП в процентах, цена электроэнергии в рублях, валовой внутренний продукт в

рублях, валовой внутренний продукт, пересчитанный в ценах Соединенных штатов, в долларах Соединенных штатов 4,8 триллионов долларов, а там 131, электроемкости. Электроемкость – это сколько на единицу ВВП тратится киловатт-часов. Киловатт-часов на 1000 долларов ППС ВВП. ППС, потому что по ВВП по сравнению с эталонной страной Соединенных штатов сравнивают все остальные экономики. В целях Соединенных Штатов в долларах Соединенных Штатов. Наша экономика 4,8, а не 1,5 триллиона, если считать по доллару Центрального банка. Никакого отношения не имеет к сравнению в наших ВВП с другими странами, включая Соединенные Штаты. Наконец, электропроизводство и электропотребление.

Вот доллар ППС – это рублевая цена ВВП, деленная на доллар ППС – 27,3. Затраты конечного потребителя в долях ВВП – это берешь все электропотребление внутри на цену в рублях делишь ВВП рублевое, получает 4%. Но есть разные страны, у которых разная электроемкость, надо отнормировать на эту величину электроемкости, чтобы привести к одному киловатт-часу. Наша электроемкость – это электропотребление делим на ВВП в долларах ППС – 200 киловатт-часов на 1000 долларов ППС. По Чубайсу это было в 2,7 раза больше, потому что если знаменатель брать в долларах Центрального банка, это будет примерно 600 киловатт-часов на 1000 долларов ЦБ. В результате он говорил, и все эти записные и многие экономисты с погонями говорят, что у нас сверхэлектрорасточительная страна. Чушь! Невежество! Все ВВП всех стран нормируются к эталонной стране Соединенных Штатов, у которой доллар Центрального банка и доллар ППС...

А дальше берем затраты конечных потребителей в рублях, делим на электроемкость, простые схемы и получается, что затраты на 1 киловатт-час в ценах в долларах ППС составляет 20 центов. По этой цене можно сравнивать и пересчеты на продовольствие. А если делить на 73, как делает Новак и идет к Президенту, и говорит, что у нас 7 центов, это экономическое невежество, хотя люди имеют дипломы экономических ВУЗов, включая Московскую школу экономики.

И когда я профессорам Московской школы экономики говорю: «Ребята, это же чушь. Пожалуйста, хоть заявите, месседж сделайте», – «Это нас не касается». Это их не касается, а в результате говорится, можно поднимать цены, раз у нас ниже, чем в Америке. Надо понимать, так и делается.

И поэтому в России сборище невежественных экономистов и руководителей энергетики, поэтому у нас и экономического роста нет, о чем говорил мой старший брат сегодня на пленарном заседании. Кстати, на этом слайде написано, что по электроемкости девять стран выше, чем у нас, включая Китай. А это затраты в долях ВВП – 4% у нас, а во всех странах, в которых электроемкость выше, чем у нас, кроме Китая, 2,8%, а в Соединенных Штатах – 1,8%. У нас затраты в 2,2 раза больше, а электроемкость нашей экономики всего на 20% у нас выше, чем в Америке. Об этом сегодня брат говорил.

Значит, эти разницы куда-то уходят. Первое – на вороватых руководителей, на негодный менеджмент и на глупость руководителей, отвечающих за энергетику. Глупость с запасом

на себя. Для себя. А теперь это, если одни затраты разделить на электроемкость, то получается у нас 20 центов, в Соединенных Штатах 10 центов. Иран – тоже энергоизбыточная страна, электроэнергию держит почти в 7 раз, в 8 раз меньше стоимость, чем у нас, поэтому они тоже развиваются, хотя у них тоже санкции. А во всех странах, которые экспортирует углеводородное топливо, уголь, цена на электроэнергию ниже, чем у нас. И в странах азиатских индустриально развитых, Китай и Корея, тоже ниже, чем у нас. В Китае – 16 центов, в Корее – 14 центов. Выше, чем у нас в странах-импортеров углеводородов, в европейских странах.

С Америкой у нас на 15% выше цена для населения, чем в американских ценах, и в три раза выше, чем в промышленности. Всякий раз промышленники говорят: «Давайте у нас перекрестное субсидирование, туда-сюда. Давайте мы повесим еще сюда, еще на 30% поднимем цены для населения». После этого население будет орать и будет поднимать все мыслимое и немыслимое против тех, кто это сделал, поэтому никто не хочет это делать. Это сравнение с Соединенными Штатами уже на десятилетнем периоде. Средняя цена 1,8 всегда выше.

Все то же самое можно сделать для энергоемкости. Первичное – это нефть, газ, уголь. Электроэнергия нетопливная – это АЭС и ГЭС и ВИЭ. Все те же самые процедуры можно сделать и показать, что мы сверхдорогая страна по отношению ко всем странам, которые продают энергоносители. У нас самая большая беда – первая, – что профессора не знают эту матчасть, не владеют, учат студентов, которые не владеют, потом они становятся аспирантами, начальниками департамента, которые потом становятся и спорят. Потом с Василием Киселевым спорят: «Василий Николаевич, неправильно считаете», – и говорят, что цены даже поднимать. И все началось с профессоров, с их мозгов, поэтому я надеюсь, что эту матчасть, которая так или иначе представлена в этой белой книге, те, кто получил, прочитают с карандашиком и поймут все свое невежество. Спасибо.

Вопросы будет в конце. Готовьте вопросы. Я бы хотел бы, чтобы были вопросы жесткие, вопросы поехали с натягом и чтобы были в защиту ТЭК, потому что я сейчас развенчал ТЭК. ТЭК тот, который, как написано у Михаила Михайловича Салтыкова-Щедрина, который сказал, что готовится неслыханнейшее воровство. Может быть, это не так, может, ошибаюсь, поэтому давайте защищать его.

Григорьев, вы. Восемь минут. Я надеюсь, что будете защищать.

Александр Григорьев: Булат Искандерович, кого защищать?

Булат Нигматулин: ТЭК.

Александр Григорьев: Хорошо. Но можно сначала тогда нападение небольшое на ТЭК сделаю. Григорьев Александр – Институт проблем естественных монополий. У нас тема заявлена как «ТЭК – локомотив или тормоз?» Но он и не локомотив, и не тормоз. Но если уж мы в такие рамки поставлены, то давайте рассмотрим и где ТЭК тормоз, и где локомотив? Где он может быть тормозом? Пожалуйста, яркий пример самый – это

действительно то, что касается электроэнергетики. В чем это выражается? Что при тех избыточных мощностях, которые созданы за последние 10-15 лет... Что это такое? Это средства, которые вынуты из экономики, заморожены, не используются. Более того если эти деньги пошли хотя бы в отечественное энергомашиностроение, мы бы могли сказать: «Хорошо, зато теперь мы полностью независимые в плане энергомаша, мы можем экспортировать и так далее, и так далее». Но этого тоже нет, потому что очень быстро нужно было решать очень сомнительную проблему, связанную с якобы нехваткой электроэнергии в перспективе.

И соответственно, смотрите, по нашим оценкам примерно получается 50 гигаватт лишних. Да, при всех ограничениях и оговорках, что это на всю страну, и если смотреть, что в некоторых местах это нельзя сделать, придется сохранять старые станции и так далее, и так далее. Окей, давайте хотя бы не строить то, что не нужно, потому что у ненужного есть цена – 3-4,5 триллиона рублей ненужного. А 3-4,5 триллиона рублей примерно – это каждый может пометать, куда можно вложить, какой энергомаш можно было бы создать, какую любую другую отрасль – что хотите. Три триллиона рублей по минимуму ушли Siemens, ушли General Electric, ушли куда угодно, но только не в нашу экономику.

В чем ТЭК все-таки локомотив, который с трудом продолжает себя вести, все-таки топливно-энергетический комплекс, он ТОПЛИВНО-энергетический. И здесь простые цифры, которые звучат так, что данные Минфина, это федеральный бюджет, доля в нефтегазовых доходах 35% в 2021 году, 44% в 2022, и январь-февраль 2023 года – 30%. Официальная статистика, только федеральный бюджет, нет региональных, нет муниципальных. Без учета угля, без учета электроэнергетики. Это именно... ФНС. Весь ТЭК: добыча топлива, нефтепереработки, электроэнергетика, трубопроводный транспорт – 33% налоговых поступлений, соотчислений по итогам 2021 года. И, конечно, особая роль его в экспорте: 55% – это экспорт в 2021 году, 65% – в 2022 году. Поэтому это локомотив все-таки, который нас пока тащат. Тащит изо всех сил.

Но высказывается мнение, часто мне приходится слышать, что надо поскорее бы монетизировать наши запасы. Не надо ничего вкладывать в инфраструктуру, никаких трубопроводов, портов, железных дорог ничего не нужно, потому что будет энергопереход, он идет. И энергопереход идет, безусловно. Из Европы в Азиатско-Тихоокеанский регион, из Европы в Соединенные Штаты, которые имеют возможность поманеврировать: в этом штате зеленая экономика, а в этом нефть будем добывать, сжигать, пожалуйста. Поэтому энергопереход, безусловно, идет семимильными шагами, но он идет из Европы. Просто все, что мы наблюдаем с вами сейчас, оно бы рано или поздно произошло, произошло просто раньше, вот форсированное событие. Но закат Европы неизбежен был, без Шпенглера.

Импорт нефти и газа – это МВФ сейчас будет прогноз озвучен. Импорт нефти и газа в Азии за 20-е годы вырастет на 15-30%, угля еще сильнее. Какой энергопереход? Энергопереход состоит в том, что гребни все, что можешь. Уголь – дотянуться до угля, до ветряков –

ветряки. Все, что может позволить, все должно питать экономику Азиатско-Тихоокеанского региона. Энергопереход состоит в этом. И постоянно, и мы видим: Пакистан буквально давно 10 гигаватт угольных мощностей. Почему? Газ дорогой. Вьетнам. И так далее, и так далее. Понимаете, экономика всегда побеждает. Экономика побеждает всегда, можно очень долго сопротивляться, но она все равно размажет.

И в Азии это прекрасно понимают, и строят угольные электростанции, и строят и ветряки, и солнечные – любые строят, потому что если вы посмотрите на удельные показатели электропотребления в Соединенных Штатах, в странах ОЭСР и в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, где и будет экономический рост, где будет образовываться все больше и больше среднего класса и так далее, и так далее, пускай не будет весь АТР выглядеть по уровню жизни как в США, но это приросты совершенно невероятные в электроэнергопотребление, которое надо будет как-то будет покрывать.

И поэтому, когда говорят, что не надо в инфраструктуру вкладываться, сейчас быстренько монетизируем давайте запасы, инфраструктура – это такая штука... Аппиевая дорога в Римской империи была построена 23 века назад, она функционирует до сих пор. Ее закрывают, по-моему, на выходные, чтобы туристам показать, но этот инфраструктурный проект пережил римлян, пережил гуннов, пережил всех и переживет еще. И когда говорят: «Давайте БАМ не будем развивать вообще. Зачем его построили, в 80-е годы он был не загружен». Ну не был загружен, а сейчас очередь стоит. Сейчас стоит очередь, попробуйте проехать по БАМ.

Поэтому бояться нужно не того, что мы быстренько что-то не смонетизируем, нужно бояться, что нас конкуренты наши из Саудовской Аравии по нефти, из Австралии по углю, такими моральными императивами и не будучи такими непонятными экономическими теориями увлечены, будут развивать свою добычу, будут развивать свой экспорт, будут дальше упрочивать свое экономическое могущество. Поэтому инфраструктуру, безусловно, нужно развивать, не думать о том, что она вдруг может не пригодиться. Не было такого у нас, что что-то не пригодилось. Да, был простаивающий БАМ, который построили по неэкономическим соображениям, но экономика всех побеждает. Смотрите, в БАМ не влезть сейчас и не влезть на десятилетия вперед, сколько его не расширяй, потому что у нас поворот на Восток. Поэтому не надо бояться развивать инфраструктуру, надо бояться, что будет кто-то развивать другой в своей стране. Спасибо.

Булат Нигматулин: Спасибо. Конечно, появились вопросы, но это мы в конце. Василий Николаевич. Это директор Ассоциации сообщества потребителей энергии. Это те, которые единственные пытаются биться за цены, за тарифы на электроэнергию, но иногда все-таки их слышно, иногда они побеждают, но чувствую, что в последние годы, последние месяцы побеждают вас. Попробуйте доказать обратное.

Василий Киселев: Нет, не так. Ничего я не буду доказывать. Я начну с того, что я не согласен, тормоз или локомотив развития. На мой взгляд модель... Но я буду говорить об электроэнергетике. Наша электроэнергетика – это водитель, который одновременно жмет

на газ и на тормоз. Как при этом едет автомобиль, это как получится. На газ и тормоз. Причем последнее время тормоз как-то преобладает, тут я с Булатом Искандеровичем согласен.

В чем это выражается? У нас очень много проектов развития за последние... Начнем с первой программы ДПМ, так, чтобы не сильно Чубайса обижать, это 2008-2010 год. ДПМ-1: 30 гигаватт эффективных в основном газотурбинных установок – совершенно правильно Александр сказал, что ни одной энергетической турбины российской не было использовано, только паровые турбины во вторых звеньях. Развитие? Развитие. Но какое развитие? Потребители должны оплатить эти проекты с доходностью, базовой доходностью 14%. При этом какова будет отдача, какова будет загрузка этих объектов, мы ставили с самого начала этот вопрос. Никого не волновало. Поэтому четверть построенных объектов из 30 гигаватт имели КИУМ меньше 25%, а некоторые меньше 1-2%, половина – меньше 50%.

То есть мы потратили около 3 триллионов рублей, а отдачу в виде выработанных киловатт-часов на эффективных, они действительно эффективнее, чем наша остальная энергетика, не получили. Это вроде развитие, газ, но, по сути, полутормоз. Это первый пример.

Второй пример – очень понравился гарантированный доход. Я считаю, тормоз – это когда вся эффективность, потому что любой проект инвестиционный вроде как должен быть эффективным, считается, но все расчеты в электроэнергетике заканчиваются на стадии генкомпании или сетевой компании, или даже энергосбыта. А электроэнергетика сама по себе вообще-то не нужна, это же то, что нужно другим. Инфраструктура, некий промышленный сервис. И считать-то надо по конечному эффекту, а у нас этого вообще не делается. Гарантированную доходность обеспечили генкомпаниям – замечательно, значит, эффективный проект, но конечной эффективности нет.

Второй пример, понравилось. Сейчас у нас полном, в середине точнее программа так называемой модернизации тепловой генерации, когда мы с доходностью меняем паровозы, извините, паро-силовые блоки разработок 60-70-х годов на такие же паровозы, только изготовленные вчера. Но оплачиваем с доходностью тоже 14%. То бишь на один «жигуль» мы оплатим два с половиной «жигуля», при этом обязательства потребителей уже прописаны до 2041 года. У нас средний расход топлива в энергетике страны – 309 граммов. И мы эти 309 граммов будем тратить, потому что он вылизан технологически, там уже улучшать практически нечего. Это второй пример.

Про ВИЭ надо говорить? Мы, извините за выражение, 2 триллиона рублей потратим, мы 1,5 триллиона на первую программу потратили, сказали, что одна из главных целей – создать эту отрасль, у нас собственное производство. Солнечные панели – купили лицензию, создали производство, маленько не очень современное, но есть. По ветроэнергетике тоже сказали все у нас нормально, локализация и так далее. Начались прошлогодние события, Vestas и прочие сказали «привет» – ветроэнергетики у нас нет.

Сейчас отложили конкурсы. Сейчас заявки начинают принимать, но что будет с точки зрения итогов, я пока не знаю.

Такие же истории в сетевом комплексе. Истории, когда сети зарабатывают, но потребители от этого ничего не имеют, просто продолжается и на нормативном уровне пытаются закрепить тем, что проект закона о тарифном регулировании и вся история с регуляторными долгосрочными соглашениями – все эти истории как аксиому повторяет: вся экономия инвестиционных и эксплуатационных расходов остается у регулируемой организации. Вопрос: мы только по группе «Россетей» за пять лет 1,5 триллиона на инвестиционную программу тратим. А что получают потребители? Ответ: мы же в инфляции укладываемся с ростом тарифа. И все.

Поэтому это все происходит из-за того, что вообще не слушают Булата Искандеровича. Я говорил в Правительстве и так далее. В 2020 году даже добился поручения вице-преьера ведомствам: «Сделайте, пожалуйста, национальную систему сопоставления цен на электроэнергию и так далее, чтобы..». Вы зайдите на сайт Минэка, вы не найдете раздела, где сравнение цен. Есть, просто берем в долларах, и то уже неактуально.

Поэтому наш ответ на это, что делать, мы доказываем, как инфраструктура и электроэнергетика должна показывать свою эффективность, снижая цену у потребителя конечного. Почему, потому что вы производите неизменный 150 лет товар, и ваша эффективность должна проявляться в том, что цена на него падает. По-другому эффективность в производстве не считается. И это самое главное. И для того чтобы это стало реальностью, мы считаем, что надо, Булат Искандерович, и науку, и общественность, и всем прочим добиваться, чтобы был KPI в Правительстве. Именно та самая доля затрат на электроэнергию в ВВП страны. Но главное не наши 4%, а главный тренд этот. Если он снижается, то получите премию, получите ордена, не снижается и растет – долой.

А он показал, и мне это было просто обидно, в G20 единственная страна, у которой за последние десятилетия расходы на электроэнергетику в ВВП страны не снижаются, а растут, – это Россия. Даже Китай, который за пять лет стоит по 500 гигаватт мощностей, что больше в два раза нашей всей энергосистемы, у него не растет, а последние годы падает. Американцы, европейцы, которые никаких ДПМ не применяют, ничего с потребителя отдельно не собирают, снижают расходы на электроэнергию. У нас – нет. Почему, потому что ни одному чиновнику не поставлена задача, и он рублем не отвечает за то, что его действия не ведут к инфраструктурной эффективности отрасли. Спасибо.

Булат Нигматулин: Спасибо. Все идет в нужном русле. Тогда Георгий Кутовой. Но я чувствую, что в этом зале нет ни одного энергетика, который занят производством электроэнергии, ни одного сетевого, ни одного начальника, который рулит это в министерстве. Есть кто-нибудь?

Георгий Кутовой: Уважаемые коллеги, я привлеку ваше внимание за эти десять минут к одной проблеме, которая нами принимается как должное, а это требует переосмысления. О чем идет речь? Я буду говорить только об электроэнергетике, потому что-то хоть мы и собрались обсуждать ТЭК, но я буду говорить только об электроэнергетике. Вопрос какой? Мы в какой экономике живем сегодня в нашей отрасли: в рыночной или в плановой? Мы раньше жили в плановой экономике, у нас планирование шло пятилетие с перспективой на следующих пять лет, и принцип был понятен: план – закон, в основу плана закладывались потребности по ресурсам, и электроэнергетике выступала как обеспечивающий этот рост ресурсной базой.

Так вопрос стоит в том, а как мы сейчас делаем? Вроде мы сказали, что у нас экономика рыночная, а делаем пока по псевдоплану, и тем не менее не определились в критериях. Начнем с того, что в основу развития наших перспектив развития энергетики мы принимаем социально-экономический прогноз. Социально-экономический прогноз, который предлагает нам Министерство энергетики, – это мнение специалистов, которые, как говорится, не очень прямое отношение имеют к экономике. Могу я прогнозировать, может кто угодно прогнозировать, как говорится, это вероятностная величина и так далее. И поэтому про этот социально-экономический прогноз забывают сразу же, как только принят бюджет.

Единственное, что остается от этого прогноза, это оценка, будет или не будет тот уровень инфляции, который заложен. И буквально через месяц после принятия нашего бюджета «Сбербанк» оценивает на 5% инфляцию, а министерстве экономики на 5,5% и так далее, и так далее. И это все обсуждение наших перспектив сводится только к уровню инфляции. Но энергетики, приняв социально-экономический прогноз по энерго, заложили в СИПР или схемы и планы развития по-серьезному, приняв их как закладку.

И куда его дальше? В советское время куда бы дели? В бюджет, потому что план-бюджет, и мы, как говорится, ехали дальше. Сейчас то же самое, но уже не план-бюджет, а что-то невероятное, аморфное принятое в основу, но зато планы энергетики – это закон. Почему, а потому что его в бюджет включили, в тарифный бюджет включили. А в тарифный бюджет включили – это собирают со всех и строят.

Если раньше под капитальным строительством мы понимали контроль Стройбанка, Райбанка, в министерстве контрольное управление отраслевое следило за тем, чтобы деньги тратились эффективно и в срок, то сегодня никто не контролирует, поэтому наши все объекты в два с половиной раза дороже, чем аналоги зарубежные. Закапываем деньги даже в это.

И получается, что мы строим не для того, чтобы обеспечить рост нашей экономики, а просто потому, что для энергетики. Они так захотели и так строят. И собирают эти деньги, собирают эти деньги с потребителя. Вы посмотрите, мы построили одну программу ДПМ, выдали на гора. Это же прекрасно: 2,3 триллиона потратили, 80% отдали за рубеж за поставку оборудования и используем 50 гигаватт с коэффициентом 0,3-0,35. Зачем? А 50

гигаватт – это 3,5 триллионов рублей мы изымаем на содержание, мы изымаем из нашей реальной экономики для того, чтобы просто она стояла. Но почему тогда не идет адекватный демонтаж старья?

Потому что, если мы демонтируем еще старое оборудование, то наша промышленность машиностроительная вообще рухнет. Она сегодня держится только на поставки западных запасных частей для старого оборудования.

И опыт показывает, что мы продолжаем это. У нас нет другого другой альтернативы. Мы опять стратегию на 35 лет построили вперед, опять предусматриваем наращивание мощностей и так далее, и так далее. Вопрос стоит о том, а где адекватная обратная связь? Этой обратной связи нет. И поэтому я полагаю, что мы идем к тому, что и спросить не с кого, и зачем построили столько, и почему там, а не в другом месте и так далее?

Ведь вопрос стоит в том, что модернизация действующего оборудования ведь два с половиной раза дешевле, чем строительство новых электростанций. Так зачем мы переставили местами: сначала построили новые, а теперь занимаемся модернизацией старого? А можно было сделать наоборот: сначала привести в порядок то, что есть, а уж потом заниматься строительством нового.

Теперь второй вопрос: если мы в рынке, а не просто в плановой экономике или квазиплановой экономике, то спрашивается, вся энергетика, которая сегодня построена для существующих потребителей, которые все работают в рыночных условиях, частые компании, зачем обременяются задачами строительства новых электростанций. Им это не нужно. Зачем мы собираем с потребителей деньги для того, чтобы строить новые электростанции? Для существующих потребителей это не нужно. Они в рынке, они уже потратили деньги, они уже построили свой бизнес, и им этого достаточно.

Что им не хватает? Модернизации? Нужно. Повышать надежность? Нужно. Модернизировать существующее оборудование? Нужно. Повышать эффективность работы этого оборудования? Нужно. Но только то, что существует. А ведь для того, чтобы построить, спрашивается для кого. Вы в рынке? В рынке. Государство что строит? Государство строит инфраструктурные объекты, строит железную дорогу. На, что-то нужно этим обеспечить, тогда ради бога государство должно сказать: «Я собираю деньги для того, чтобы это, это, это. Оно нужно для всех». А ведь получается, что мы просто строим и не для кого. И этот вопрос сегодня открытый остается для меня, это вопрос непонятный совершенно.

Второй вопрос: на стадии реформы электроэнергетики все проекты, которые мы построили по ДПМ, были оценены как некоммерческие. И все, кто купил эти объекты, все фирмы наши, ОГК, ТГК, признали эти проекты некоммерческими. Их обязало государство построить эти объекты, и государство взяло на себя деньги: «Не беспокойтесь, вам 14% будет возвращено с учетом того, что вы возьмете кредиты, возьмете проценты за кредиты и так далее. Потребитель вам вернет». Спрашивается, потребителю это не нужно, но

государство взяло своим волонтаристским путем обязало потребителей существующих вернуть деньги всем инвесторам, которые построили ненужную электростанцию. Так это тогда государство должно и взять на себя ответственность за это дело и хотя бы материализовать свое право имущества на вновь созданное оборудование.

Раз вы вернули инвесторам все эти деньги, раз они окупили все кредиты за это время, то вопрос стоит о том, что тогда это имущество должно перейти в собственность государства или хотя бы собственность тех потребителей, с которых вы взяли деньги. И этого тоже нет. Раньше как было, бюджет если тратит, он оформляет увеличение своей доли собственности в этом капитале. Сейчас государство псевдобюджет собирает, то есть в виде налога собирает со всех деньги для инвестиций, строит эти объекты, но не оформляет свою собственность на это имущество. Это же халява.

Поэтому вопрос стоит о том, что надо как-то менять и выходить из этой парадигмы, потому что вопрос остается открытым. Опять мы хотя и поменяли или вернее возложили на системного оператора функции проектировщика развития энергосистем. Это все правда, вроде идет централизация, но сам принцип собирания денег с потребителей, который сегодня существует, это неправильный подход.

Если собираете, примите тогда закон о налогах, организуйте тогда Фонд развития электроэнергетики. И этот Фонд развития электроэнергетики ставьте под контроль – кого? – потребителя, чтобы потребитель четко понимал: деньги с него собраны, идут на то-то, то-то, то-то, и кто бенефициар этой выгоды, кто конечно получит эту выгоду? Если мы идем на удорожание, на содержание ненужных мощностей, это неправильный ход. И потребитель не проголосует за то, чтобы строить это все. Обратная связь должна быть: эффективность каждого построенного объекта. Если она вносит положительный результат, потребитель дает. И институт потребителя должен быть эффективен, и я считаю, что у нас этого не хватает. Спасибо.

Булат Нигматулин: Спасибо, Георгий Петрович. Все, что сказал Георгий Кутовой, ровно на 100% относится к нашей зеленой энергии, квази, солнечным, ветровым и прочим средам. Обременение сетевой составляющей на эти игры. Бывший Дворкович подписал, и теперь мы говорим: у нас мало солнца – давайте солнца, мало ветра – давайте ветра. А бывший Дворкович никогда не говорил о цене, хотя он имеет экономическое образование. И все бывшие и нынешние экономисты и квазиэкономисты и энергетики, квазиэнергетики никогда не говорят о цене. Никогда! Я был на форуме в Польше, когда еще не было спецоперации, министр энергетики Польши первое, с чего начинает, он начинает, насколько он снизил цену для потребителя в том или ином году. С этого начинают.

У нас Степан Александрович пришел – генеральный директор Сибирский генерирующая компании. Он, пожалуй, единственный у нас из энергетической сферы, нынешний, действующий, кроме Киселева, конечно.

Степан Солженицын: Я очень извиняюсь, что я не был с начала, я был на совещании, где с пристрастием федеральные органы исполнительной власти спрашивали, в том числе нашу компанию, почему все так дорого? Поэтому живем каждый день с тем, что... А дальше, конечно, к потребителям пойдем это же и обсуждать.

Несколько, наверное, моментов стоит подчеркнуть, чуть-чуть я буду рассказывать про СГК с СУЭК. Я сейчас – просто для поправки – в совете директоров, как раз должен за стратегическое развитие отвечать, не я генеральный директор, но был им. И поэтому ответственность несу.

У нас 17 гигаватт угольной генерации, из них 1,5 на Дальнем Востоке, 4 на Урале, все остальное – Сибирь. Так что, конечно, где-то больше трети угольной генерации России – это наша компания. Остро ощущаем важность вопроса стоимости электроэнергии у конечного потребителя. Понимаем нашу задачу одновременно с этим, как решение экологических проблем, которые у угольной генерации, безусловно, на порядок больше, чем у газовой или какой-либо другой, особенно с точки зрения социальной неизбежности. Воздух, которым дышат в сибирских городах волнует людей в сибирских городах здесь и сейчас, не как что-то отдаленное на будущее. Более того, я даже скажу, что экология, даже абсолютно не связанная с выбросами или другими воздействия на окружающую среду наших станций, тем не менее все равно важна, потому что нужно задачу решить, а не просто сказать, что мы красивый, а рядом кто-то другой некрасивый. Это не работает.

И хочу сказать, что абсолютно поддерживаем то, что сейчас было сказано про модернизацию и про новые мощности. За цикл, который был ДПМ-1 и ДПМ-2, наш комод текущий, ту часть комода, которая пока отобрана до 2027 года, за этот 15-летний цикл, но мы начали где-то в 2012 году, мы обновляем 36% наших мощностей, из них 31% – модернизация, 5% – новая стройка. Это значит, что даже когда все другие занимались новой стройкой, потому что это был путь наименьшего сопротивления, и нам было предложено взять и забабахнуть 660 мегаватт на Тамусинской ГРЭС, там все будет хорошо и так далее, мы вернулись и сказали «нет», мои предшественники, но неважно. Компания вернулась и сказала: «Подождите, дорого и не решает тех задач, которые надо решить».

А главное – это препятствие, о котором, может быть, уже было здесь сказано, если да, то повторю, а если нет, то скажу, у России есть тяжелейшая проблема, которая отображается как раз на стоимость электроэнергии для потребителя – деньги дорогие, капитал дорогой, риски высокие. А поэтому при прочих равных, это и есть. важные аспекты и геополитического противостояния Запада много с кем, но мы точно на нехорошем конце этого уравнения, что страны, где ключевые ставки до недавнего времени были близкими к нулю или два. Эта ставка для акционерного капитала все равно чуть-чуть повыше, но все равно это там, где ответ на этот анекдот про этих детей вымыть или новых народить, к сожалению, у них это новых народить.

Но наш ответ всегда, что нет. Мы должны, конечно, то оборудование, которое у нас есть, которое мы унаследовали, которое было построено – неважно было ли это построено...

Все равно оно было при советском государстве построено, вложено, нами унаследовано. И, конечно, никак неправильным видится, что сперва давайте строить новые, а потом модернизировать. Правильно было сейчас сказано, что нужно, конечно, было сперва модернизировать и только потом в точках, где понятен спрос, строить новое.

В чем еще была огромная проблема ДПМ-1? ДПМ-1 звучал так. Энергетик пришел и сказал: «А я думаю, что здесь надо построить». Как ни странно это совпадало с тем, где у него уже была площадка, где уже было... И вот там строилось, а сейчас, мне кажется, фундаментально по-другому уже комод ДПМ-2 был большим улучшением хотя бы в том смысле, что мы все обязаны конкурировать за право построить. Все равно у него есть много проблем в том смысле, что прошлая загрузка оборудования считается индикатором ее будущей загрузки. Это проблема, но это лучше – я думаю, Василий Николаевич согласится, – чем я пришел и сказал, что у меня было сновидение, что здесь будет хорошо загружено. Это было правильно сделано.

Дальше, мне кажется, главный вызов какой у системного оператора? По сути, улучшение его экономической функции. И он это осознает, потому что получив такую задачу по планированию, дальше, конечно, нужно развивать компетенцию не только в рыночном совете, а именно системный оператор – это наш госплан, это то, что у нас есть теперь в энергетике наиболее близко к функциям, выполняемым госпланом, но только экономику нужно от «А» до «Я» развивать.

Что еще в ней очень важно? Булат Искандерович напомнил мне, что мы много обсуждали и до того, как я из консалтеров пришел в менеджмент, и потом по поводу того, что сравнивать надо правильные величины с правильными: где по покупательской способности сравнивать, где не по ней и так далее. Какое у нас преимущество? Я пошел, решил и сравнил: стоит же дом, где жил на Западе Солженицын 18 лет. Я же могу сообщить, какая все-таки сейчас там стоимость киловатт-часа на рознице – 20 центов на киловатт-час, американских центров. Это транслируется. В том штате, где находится дом. В среднем по Америке 13, правильно. Но Новая Англия во многом решила заплатить как раз за разные: за преждевременное закрытие атомной станции, за то, что это надо заменять другим и так далее. Но тем не менее 20, 13.

Дальше, понятное дело, если это умножаешь в лоб на курс валют по ЦБ, получаешь одну цифру, если это умножаешь по покупательской способности, получаешь совершенно... Но я замечу, что, конечно, надо реально сравнивать тогда, может быть, так в ваших материалах и сделано: цена на РД в России, и эти 20 или 13 центов, если они действительно 13 для именно населения на Западе.

Какой ответ получается? Именно потому, что у нас дорогие деньги, у нас дорогие материалы, вот металл пошел вверх и далее, из-за этого у нас и политика другая. Мы, Китай тоже, ограничивает стоимость электроэнергии для населения ровно потому, что иначе было бы неподъемно. В то время как что делают зажиточные страны? Они говорят: «Да пусть платят в конце концов люди и еще больше». И они платят больше, чем

промышленность. Наш народ, население платит меньше, чем промышленность ровно из-за этого. Называется перекрестное субсидирование, обзывается разными именами. Считается, что его надо непременно до нуля довести. Совершенно необязательно его до нуля довести, надо знать, чем мы именно занимаемся, на кого мы вешаем его, не надо ли вешать его на бюджет, как тоже было правильно сказано, и в разумных мерках сужать. Адресные субсидии для малоимущих точно нужно не только сохранять, развивать, сделать ее простой.

Но наша цель и дальше преследовать модернизацию, где возможно. Выводить мы будем реально морально устаревшие мощности, а не абы какие. Такие есть, и их действительно модернизировать уже невозможно и неправильно, но это меньшинство.

И, наверное, последнее, что я скажу: как угольная генерация, мы просим только одного. Мы не просим ничего специального, мы просто просим, чтобы на нас не административно ставили крест и сказали: «Раз вы угольные, а мы двинемся в новую климатическое будущее, – а мы все равно в него движемся, Китай, Индия не отменили же это, дружественные страны, – поэтому мы вас закроем». Есть намного более выгодные и менее затратные методы выполнить все обязательства Российской Федерации, чем стрелять себе в ногу. Мы одна из ног или других конечностей. Мы точно одна из конечностей, давайте не стрелять в себя.

Булат Нигматулин: Все правильно, но правильно, потому что центр прибыли таких компаний, как Сибирская угольная, СУЭК не в электроэнергетике, а в угле. Если сравнивать цены угля, сейчас будет говорить, как у нас сравнивают цены угля, это первая позиция. А вторая: если мы будем давить на цены по электроэнергии, конечно, мы должны думать, чтобы черные и цветные металлы не были Лондонской биржи. Почему цветные металлы и черные металлы по Лондонской бирже? Так лоббисты черных металлов пробили себе, и они по-другому не хотят. И даже не хотят делиться сверхприбылью, про которую Белоусов вице-премьер говорил, что надо поделиться, ребята. Но Белорусов должен сказать... Причем он просит. Налоги! В Америке не просит государство. Жесткое государство, если что, налоги. Сверхприбыль – взяли, обложили 90% налогов, и все, и вопросов нет. Наши все время что-то просят. Это значит, что власть олигархата значительно еще сильная.

Но следующий у нас шестой – вы.

Андрей Паршев: Паршев Андрей Петрович – публицист, «Почему Россия не Америка». И теперь живой классик, пока еще.

У нас экономический форум. Когда смотрел я эту тему и как-то готовился к выступлению, и получилась такая неприятная вещь, что все наши проблемы не в сфере экономики, и в частности в этой области. Все упирается уже в социальную область, в политическую даже. Почему? Вот Булат Икандерович говорит, что цены неправильные, потому что они тормозят развитие нашей промышленности. А теперь, внимание, вопрос: а они должны развивать нашу промышленность? Такая задача стоит перед ценами нашего топливного

энергетического комплекса? Кто эту задачу перед ним ставил? Отвечу – никто не ставил, они делают то, что им полагается по их уставу.

Тут говорилось об одной нашей особенности, которая отличает нас от остальных 19 членов «Двадцатки». Надо сказать, что «Двадцатка» довольно разные страны, но у нас есть одна особенность в электричестве. А я могу сказать, у нас еще есть одна особенность, и тоже единственная в «Двадцатке». Наш Центробанк не несет ответственности за развитие экономики. Оказывается, у всех остальных 19 стран такая обязанность записана в уставе, у нас нет. Я это читал у компетентного человека, сам я уставы всех центробанков не читал, но что-то мне кажется, что, наверное, так оно и есть.

Боюсь, что в этом корень проблем. Вопрос, что не тут мы поставили угольную станцию, так запросто не решить. Говоря о теме нашего выступления, я немножко не только про электрогенерацию.

Есть такой термин, он считается экономическим, «ресурсное проклятие». Об этом первоначально планировался разговор. Экономисты придумали такую категорию в конце XX века, забыл фамилию.

Откуда взялась эта теория ресурсного проклятия? Из простого наблюдения, что к тому времени оказалось, что страны, которые занимаются монопроизводством ресурсов, по темпам развития отстают от тех, кто занимается обрабатывающей промышленностью. Дальше понятный перечень. Это где-то в 90-х.

Сразу было понятно, что с этой экономической теорией что-то не то. Во-первых, начиная с фактуры, потому что есть страны, богатые ресурсами, которые одновременно довольно развиты промышленно, те же США. У них есть все ресурсы, какие только можно себе представить.

Оказалось, что сама критика этой теории ресурсного проклятия как раз выводит нас за пределы чистой экономики и упирается в политику. Как оказалось, проблема в том (это можно прочитать в «Википедии» в соответствующей статье), что в случае, когда государство начинает ориентироваться на производство и продажу природных ресурсов, портится само государство. Качество управления падает.

Что самое ужасное, я процитирую нашего экономиста Данилова-Даниеляна, что ресурсная экономика – это прямой путь к депопуляции. Проблема в том, что государство, которое главным образом все деньги получает от ресурсов, в своем населении не заинтересовано. Это может не признаваться, но экономическая целесообразность, она, как водичка, дырочку найдет.

В этом суть проблемы. Если на политическом уровне принято решение, что производить ресурсы, мы их будем продавать и на это все купим, это и есть та самая ресурсная ловушка.

Самое «забавное», что мы не первый раз наступаем на эти грабли. У нас был совершенно аналогичный период – середина XIX века, когда роль топливного комплекса была присвоена хлебному производству, и говорились все те же самые слова, что «мы производим хлеб, продадим его и на это все купим». Развивались железные дороги. Это не только Александр II, но еще при Николае I. Как развивались? Рельсы, паровозы – все закупалось за границей за хлеб. Что произошло дальше? дальше понятно. Падение хлебных цен, то-се, пятое-десятое.

Мужчина 1: И поражение в Крымской войне.

Андрей Паршев: И Александра II взорвали какие-то мутные личности. Та самая первая индустриализация, о которой сегодня так хорошо говорили, при Александре III, она во многом была вынужденной. Жареный петух прилетел, клюнул. Что делать? Пришлось те же самые паровозы – кстати, продали Аляску, куда пошли деньги? На покупку оборудования для железных дорог для вывоза хлеба за границы.

Наша проблема в том, что в консерватории надо что-то менять действительно. Надо ставить задачи промышленного развития, и уже опираясь на это, развивать наш топливно-энергетический комплекс. Спасибо за внимание.

Булат Нигматулин: Спасибо. Все правильно, но в дискуссии мы еще поспорим. Теперь хотел бы представить Бориса Леонидовича. Я не был с вами знаком, но был краткий разговор, и первые два предложения, которые вы сказали, мне сразу очень понравилось, что вы будете говорить. Спасибо.

Борис Марцинкевич: Времени чертовски мало. Я извиняюсь, сейчас будет речитатив. Начало сегодняшней дискуссии – энергоемкость ВВП. Можно сколько угодно рассказывать о том, где она выше, где она ниже.

Я позволю себе напомнить, что услуги адвокатов в Соединенных Штатах в 100 раз выше, чем в России. Мы по этому показателю никогда не догоним. Адвокат очень не энергоемок, но очень большой вклад в ВВП. Мы никогда не догоним по этому показателю Федеративную Республику Германию, где в ВВП учитываются услуги публичных домов.

До той поры, пока в экономике будет учитываться только один макроэкономический показатель ВВП, отказ от СОП (совокупный общественный продукт) приведет к искажению любых оценок, что совершенно очевидно. Если сравнивать Соединенные Штаты и Россию, мы наблюдаем порядка 50% у нас промышленность, у них порядка 20. Гонка за сравнением энергоемкости ВВП не имеет смысла.

Двигаемся дальше. Мы много говорим про электроэнергетику, сказаны самые разные слова. Вопрос ко всем присутствующим. Что такое единая энергетическая система России? Правильно, у вас нет ответа. Он есть в нашем законодательстве. Знаменитый 35 ФЗ, 2003 год.

Единая энергетическая система – это система передачи, диспетчеризации, трансформации электроэнергии. управляемая системным оператором. Управляемая. Он не собственник, он управляющий. В 2005 году выходит Постановление Правительства Российской Федерации, где указано, что системный оператор диспетчеризует линии электропередач от класса 110 киловольт и выше.

Я не знаю, кто как в энергетике, из розетки электричество не брызжет. До той поры, пока сеть не замкнута, нагрузки нет. Если нет нагрузки, тогда вопрос – что диспетчеризует системный оператор? У него нет конечного потребителя. 110 киловольт – это типичная подстанция на входе в город. У нас в городе нет единой энергетической системы.

Я сделаю отдельную передачу, где укажу все параграфы и постановления этого 35 ФЗ, это правда. Кто бы что бы не рассказывал о схемах и планах развития, сейчас это поручено системному оператору. Он будет работать до 110 киловольт. Что, ниже его не интересует.

Мы говорим о развитии России. Представьте себя на месте руководителя субъекта федерации. Приходит человек, у него есть желание открыть пекарню. Нужен один мегаватт мощностей.

За что отвечает губернатор? За что угодно, только не за это. Он отправляет его в «Россети», в ТСО, которое сейчас необходимо сокращать, потому что таково желание Министерства энергетики. Ему объясняют: «Свободных мощностей нет. Будь добр, обращайся в министерство». Там ему сообщают: «Одним мегаваттом заниматься не будем. Если вашему городу надо, дадим 100 мегаватт». Но у меня один потребитель. А это совершенно не важно.

Представитель «Россетей» сообщает: «Вше техническое присоединение будет стоить 100 млн руб.». «Почему?». «Потому что мы вам присоединяем 100 мегаватт». «Мне не надо 100 мегаватт». Они разошлись.

Говорить о том, что мы желаем развивать российскую экономику, когда у нас нет связи с энергетикой, не приходится. Россия – достаточно специфическая страна. Энергетика всегда и везде развивалась опережающим темпом с момента возникновения планов ГОЭРО, с момента великой Октябрьской Социалистической Революции.

Напомню, что партия большевиков – это инженеры-энергетики и примазавшиеся к ним юристы. Можете проверить, так было. Слава Богу, что ссылку он отбывал с Крижановским, немного поумнел. Отдельное спасибо ему за это. Двигаемся дальше. За развитие единой энергетической системы не отвечает никто, с чем я могу поздравить все генерирующие компании.

Никто не знает, что вам указывать, как вам развиваться. «Россети» не отвечаю за единую энергосистему, он просто владелец железа. Диспетчеризация – до 110 киловольт, системный оператор, дальше территориальные сетевые организации. Единого органа нет. Поэтому говорить о том, что мы желаем что-то развивать, не приходится. Дело не в проклятии, дело в нашем администрировании государством.

Стоимость электроэнергии. Та калька рынка, которая устроена в России, совпадает с европейской. Мы наблюдаем, что там происходит. Стоимость электроэнергии на рыночных ежесуточных торгах по последнему поставщику. Европа уже от этого взвыла, потому что у них выросли все тарифы. Причина понятна. Достаточно дешевая генерация на атомных электростанциях, на гидроэлектростанциях, даже на ветряных и солнечных дешевая. Последним приходит представитель газовой генерации, у которого цены выросли в 10 раз, и сообщает, какая будет цена для конечных потребителей.

По этой же модели работаем мы. Есть наши виртуальные точки, куда должны стекаться запросы. Притекли запросы. Нам нужно 100 гигаватт часов 24 часа 24 числа. Все новые свежие построенные модернизированные СГК компании предлагают свою цену. На последние полпроцента приходит владелец электростанции, которая построена в 1926 году, она работает, и говорит: «У меня будет цена 100 рублей. Это будет 100 рублей для всех». Дело не в том желании частного зарабатывать как можно денег. Дело в модели рынка. Мы не хотим ее менять.

Что касается топливного проклятия, я пытался сосчитать, сколько законов определяет система налогообложения нефтяного сектора. Сосчитать не смог. Они меняются каждый день. При этом мы ждем иностранных инвесторов. Мы не дождемся иностранных инвесторов, когда у нас происходит то, что происходит. Каждый год у нас появляются новые законы, касающиеся НДС, НДС. НДС бывает временным, потом его продлевают, потом отменяют. Пока не будет стабильности в наших законах, у нас ничего не изменится.

Следующий момент. С 2015 года налоговый маневр, о нем уже все забыли, напоминаю – в соответствии с ним наше Министерство финансов ежегодно увеличивает налог на добычу полезных ископаемых и снижает экспортную пошлину. Что это означает? НДС – рост себестоимости. Зачем мне заниматься переработкой? У меня упала пошлина. Я вывезу не переработанную. Ни законодатели, никакие общественные движения об этом законе больше не вспоминают, он продолжает работать.

Что касается определения цен внутри российского государства, известно. Я надеюсь, господин Солженицын не даст соврать, для вас ставки НДС устанавливает британская частная компания «Аргус» по стоимости австралийского каменного угля, правильно? Биржевой индекс.

Стоимость угля внутри России зависит от того, как дела у австралийских угольщиков. В прошлом году их подтопило. Слава Богу, угольщики заработали. «РусГидро», которое работает на Дальнем Востоке, где государство регулирует тарифы, улетело в минус. Уголь стал дорогим. Не повезло. В этом году ожидается падение цен на уголь. Компания «РусГидро», может быть, дорастет до нуля. Поэтому у нас бесконечное чередование «рынок-государственное регулирование-рынок-государственное регулирование». У нас нет стратегических целей. Мы не понимаем, куда мы движемся. У меня все.

Булат Нигматулин: Спасибо, Борис Леонидович.

Борис Марцинкевич: Был бы рад, если бы мы нашли возможность продолжить дискуссию. Очень интересные собеседники.

Булат Нигматулин: У нас будет время. Я хотел представить заведующую кафедрой экономики нефтяной и газовой промышленности губкинского университета. Как я нашел? Я взял телефонный справочник и попытался найти по профилю нашего круглого стола, нашел вас. Не хотел никого из записных. Хотелось бы от станка. Вы учите студентов. Что вам мешает научить студентов мыслить так же, как здесь наши спикеры?

Анастасия Пельменёва: Здравствуйте, коллеги. Презентация очень простая, от простых цифр от простых вопросов, которые у нас есть.

В зале присутствует коллеги из РГУ нефти и газа. Они дополняют, если нужно. Я не знала состав всех спикеров, что будут в основном энергетики, и что мне придется быть на стороне нефтегазового комплекса. На всякий случай говорю, я не акционер нефтегазовых компаний, я не олигарх. Я обычный преподаватель, который смотрит, как формируются затраты, как идут инвестиции, как формируется прибыль, классическая экономика предприятия в рыночных условиях.

Просто набросала вопросы, которые существуют с точки зрения развития нефтегазового комплекса, какие они есть. Здесь два слайда, которые будут по табличке. Сложности, которые возникали в результате санкций, что у нас нет оборудования. Третий слайд будет самый простой. Там будут перечислены основные болевые точки, как просил Булат Искандерович.

У нефтегазовых компаний есть различные виды рисков, есть проблемы, и они отражаются на их деятельности. Дорого, мы капиталоемкие, переделай. Что значит переделай? Есть технологическая цепочка от геологоразведки до автозаправочных станций. На всех этих видах бизнеса у нас разные проблемы, которые формируются, разные задачи. Но, тем не менее, мы формируем стоимость, добавленную друг в друге и влияем на готовую продукцию, которую мы реализуем внутри экономики. Так происходит во всем мире, и в Российской Федерации, в том числе.

Пока мы сегодня были на форуме по индикаторам по ценам, который доступен всегда, на Санкт-петербургской бирже сегодня продается сырая нефть по внебиржевым контрактам (это не биржевые покупки) от 23 тыс. руб. до 27. Я открыла SPIMEX и посмотрела. НДС по прошлому месяцу может быть 8 тыс. руб., может быть 18 тыс. руб. Критерии были установлены в зависимости от того же «Аргуса».

У нас только налог на добычу полезных ископаемых в цене 27 тыс. – 8-18, откуда дорогая или дешевая нефть. Если мы берем по котировкам нетбэк, как ориентировалась до этого нефтяная газовая промышленность, брали мировые цены, исключали таможенную пошлину, исключали затраты на транспорт и получали нетбэк. Я сейчас говорю о принципе «cost плюс» (затраты плюс прибыль).

Само собой, риски возникают и технологические – это наличие оборудования. Санкции повлияли давно и влияют до сих пор по-разному. Нет готовой аналитики – вот тебе нефтегазовый комплекс, у тебя будет тьма проблема, решай их заранее. Некоторые компании сделали это заранее. Я покажу примеры. Но, к сожалению, это не системно или мы просто об этом пока не знаем.

У нас есть проблемы с кредитами, точно так же, как у другого вида бизнеса. Есть примеры, когда кроме технических вопросов, если мы хотим отправить на экспорт, а экспорт априори был дороже, чем внутренний рынок, поэтому выручку у коммерческих организаций никто не отменял. Нефтегазовые компании такие же коммерческие организации. Смотреть, как это будет формироваться в других направлениях, безусловно, важно.

С точки зрения маркетинга – да, рынок ушел, да, нас вытеснили. Я не знаю, как коллеги, я вместо политики вижу деньги. Отжали у нас рынок Европы. Вернемся мы туда или нет, жизнь покажет.

Допустим, мы будем исходить из сценария, что все плохо, мы туда не вернемся или останемся на тех долгосрочных контрактах, типа Венгрии, которые у нас есть.

По газу, по нефти, по нефтепродуктам мы уходим на другие рынки и продаем, потому что мы вынуждены. У нас такой технологический цикл. Мы не можем остановить задешево производство, перестать печь хлеб. У нас есть куча капитальных вложений. Мы разбурили скважины в стране, мы модернизировали нефтеперерабатывающие заводы. Этой модернизации ждали 40 лет. Почему ее не было? Было дорого. Поэтому все эти риски никуда не уходят и складываются в тьму проблем.

Я пошла по принципу «выручка-затраты». Те ключевые позиции, которые есть у нас, говорят о том, что ты как юридическое лицо, недропользователь, получил лицензию на право разведки и добычу углеводородов. Извини, это документ. Причем государство тебя обязало добывать, бурить. Если ты не делаешь это вовремя даже с поправкой на рынок, я тебя оштрафую, заберу лицензию, и у тебя не будет куска этого бизнеса. Это тоже ограничение, которое у нас существует.

Булат Искандерович говорил, что надо обозначить Арктику. Я не говорила про запасы, тем более, что они пересчитываются. Почему мы идем на шельфовые проекты в Арктику? Потому что нужно получить этот опыт. Если туда не придем мы, на эти регионы претендуют другие. Это больше политический вопрос.

Технологический, когда мы на развитых инфраструктурных регионах Западной Сибири должны будем уходить на более глубокие горизонты, это тоже дорого, и не факт, что у нас пока есть отработанные технологии, которые бы нам позволили добыть эту нефть или газ.

При этом у нас есть пример, когда развивается нефтегазовый бизнес. Это так называемые трудноизвлекаемые запасы, определения которых до сих пор не существует в Российской

Федерации. Но в налоговом кодексе есть четкие понятия и критерии при расчете НДС, что относится.

Например, баженовская свита. Ее не разрабатывали 10 лет назад. Если коэффициент извлечения нефти в среднем по Российской Федерации 28-42%, то по трудноизвлекаемым месторождениям сначала был пять, и это было счастье, потом он стал 12, и это было уже средне и хорошо, где-то достигает 16. Что это такое? Сколько ты из найденной нефти можешь извлечь существующими технологиями. Все остальное до сих пор лежит там.

Мы когда-нибудь видели, что внутри? Нет. Мы не можем видеть те объекты, глубины 3 км. У нас это тоже сложности. Ты не можешь угадать технологически. Попробуй пробурить скважину.

Простые показатели, которые у нас есть, куда уходят налоги? Налоги уходят на счета, в том числе, федеральный бюджет. С 2006 года Минфин показывает цифры, они известны. Коллеги озвучивали. Я обозначила пунктирными столбиками 2006 год, чтобы сопоставить аналитику.

Были ли у нас прогибы? Да, нам было плохо в 90-е, у нас не было финансирования в нефтегазовом комплексе. Он вывез. На чем вы приехали сегодня, на каком виде топлива? На моторном, на электроэнергии. Электроэнергия у нас, в том числе, идет за счет мазута или газа, помимо других благородных полезных ископаемых.

Есть ряд проблем, которые у нас существуют. Деньги поступают, в том числе, из федерального бюджета. Там нет других строчек. Есть нефтегазовые доходы, и есть не нефтегазовые доходы.

За 2020 год от фармакологии ничего не появилось. Почему такая несправедливость? Давайте посмотрим, сколько вносят вклад в федеральный бюджет другие виды бизнеса. Куда идет фонд национального благосостояния? Там же лежит не нефть и газ. Что туда направляется? Поступления, в том числе налоговые от нефти и газа. Можем ли мы ими пользоваться? Не особо.

Я дойду до показателей экспорта и добычи. У нас тьма объектов технологической цепочки. Их нужно обслуживать. Проблем у нас тоже много. У нас экспортные проблемы, что-то мы потребляем внутри. Но я искренне верю, что экономика будет развиваться, в том числе, за счет локомотива ТЭК. Тем самым себестоимость добычи нефти нам позволит быть экономически эффективными. Долгие годы мы будем ездить не только на моторном топливе, на бензине и летать на керосине, но будем ездить на газомоторном топливе, на СПГ, наши танкеры.

Перспективы. Да, мы уйдем с рынка. Да, нам нужно сохранить те объемы. Самое главное – обеспечить внутреннее производство. Это не я, это с сайта «Газпрома». Это было как раз накануне открытия в этих условиях Ковыктинского месторождения. Месторождение

открывают, потому что есть проекты, их окупаемость, эффективность, и обеспечение топливно-углеводородными ресурсами.

Последний слайд – это карта рисков, с моей точки зрения, очень простая. Их каждый день может возникать масса: импортозамещение, энергоэффективность и снижение затрат на электроэнергию и потребление нашим же нефтегазовым комплексом, и наличие разных видов оборудования во всех переделах.

Что делать? Управлять проектами, идти от малого и идти к стратегическим задачам. У меня все. Спасибо.

Булат Нигматулин: Спасибо большое. Когда я спрашиваю моих молодых коллег, девочек и мальчиков, у них мечта работать в «Газпроме», в нефтяной компании, лучше в «Роснефть», «Лукойле». Фонд оплаты труда там примерно в полтора-два раза выше. Я понимаю плач Ярославны по поводу нефтегазового комплекса и про ТЭК, но я бы хотел, когда мы будем вести дискуссию, разделить ТЭК, который экспорт, продают ресурсы, принадлежащие всему народу. Есть бюджетные отчисления, кроме угля, у угля НДС очень крошечный, уголь – там вообще рай, газовые – 30%, нефтянка – примерно половина. Но то, что остается, мои молодые коллеги мечтают в «Роснефти», в «Газпроме» и ещё где-нибудь около нефти и нефтегаза, потом уже банк. Хотя сейчас банк хуже, после того, как вышли западные санкции. А здесь нет, продолжается.

Я сказал российский ТЭК – тормоз или локомотив развития страны. Я говорила о том, что российский ТЭК – тормоз, имея в виду внутренние цены на уголь, нефть, газ, электроэнергию, тепло, топливо, которыми финансируется вся экономика страны. Все поддерживают этот российский ТЭК. Да, он возвращает в бюджет, в фонд национального благосостояния, продавая ресурс, который принадлежит всему народу.

У нас в корне стоит следующее, что как только получили лицензию на ту или иную разработку, ресурс принадлежит той компании, которая получила эту лицензию. Совсем по-другому это устроено у арабов, совсем по-другому это устроено у норвегов, в какой-то мере это устроено в Соединенных Штатах по-другому, потому что в Штатах очень жесткое законодательство. Всякие игры с таможенными и разными таможенными потоками внутри страны, таможенные органы внутри российские, немецкие, американские – разница в два раза, это сразу уголовное дело и тюрьма 10 лет, а может, и 15, потому что это преступление против государства.

Но у нас пока все свободно. Мне хотелось бы, чтобы была дискуссия, были вопросы. Сергей Петрович, вы собирались сказать в дискуссии. Вот вам время для ключевых вещей, которые вы хотели бы сказать.

Сергей Филиппов: Коллеги, были достаточно интересные доклады. По крайней мере, я послушал с удовольствием. Я хотел бы остановиться только на двух вопросах. Георгий Кутовой начал интересную дискуссию. Прежде, чем ответить на вопрос «ТЭК – это тормоз

или не тормоз», ответить, что у нас за экономика, как мы ей управляем. Этот вопрос ключевой.

Рыночная? Да как сказать. Плановая? Уже не плановая. Если мы посмотрим опыт Штатов, там жесточайшая плановая экономика, но рыночная реализация, вот в чем дело. Они планируют, нам это не снилось в советское время. А реализация рыночная.

Что у нас? Как у нас управляется экономика? Все знают, что у нас есть закон «О стратегическом планировании». Это ключевой закон, который управляет экономикой. Что в этом законе? Он предполагает, что есть четыре уровня.

Первый уровень – прогнозирование. Разрабатываются прогнозы. Есть некое видение и не более. Следующий уровень – целеполагание, начиная от выступления президента. Ставятся определенные цели. С ними можно соглашаться, не соглашаться, цели ставятся. Следующий уровень – это уровень планирования. Здесь интересно. Последний – программирование, где разрабатываются программы.

Самое забавное, если кто-то внимательно смотрел все нормативные документы, которые описывают этот закон, то у нас уровня «планирование» нет вообще. На этом уровне планирования как раз и разрабатываются балансы – энергетические, финансовые, материальные.

Вы говорили о ценах. Это все там. У нас вообще нет этого уровня. Дальше есть уровень программирования, когда каждый уважающий себя министр имеет какое-то количество программ. Это уже интересная штука, но это уже не по нашему ведомству. Куда тратятся деньги, которые мы заработали? Это уже другие.

В прошлом году я выступал на экономическом форуме, и там приводил картинку, сколько наш нефтегаз получил доходов. За 20 лет это 5 трлн долларов. Это гигантская сумма. Столько мы ввезли в страну. Вопрос, куда делись эти деньги, риторический. Часть съела сам ТЭК, а другая часть уже по другому ведомству.

У нас нет уровня планирования. Если нет уровня планирования, как мы можем говорить, правильно мы развиваем ТЭК или неправильно, правильно мы раскрутили программу ТПМ на 3 трлн руб. или неправильно? Мы не можем об этом сказать. Это в порядке дискуссии по этому вопросу.

Второй вопрос, который хотел бы затронуть, который меня сейчас очень сильно волнует, это все, что касается декарбонизации. Об этом немножко говорили. Вся эта декарбонизация и низкоуглеродное развитие – это большая химера, которая с определенными целями раскручивается.

Мне пришлось работать в этой области, начиная с конца 90-х годов, когда мы готовили некие документы, делали расчеты для конференции в Рио 1992 года. Понятно, что это было чисто политическое решение с определенными целями. Сначала американцами ставились очень простые цели (я был включен в эту программу), это как остановить Китай.

Ограничения на выбросы CO₂ – это как раз было ровным счетом о том, как остановить Китай, потому что китайская экономика – это уголь.

Дальше пошла раскрутка, подключились европейцы, которым это некое благо. Денег много, ресурсов нет, ВИЭ у них более-менее на юге есть, и хороший ветер в Северном море, поэтому поменять деньги на новую энергетику – это хорошо.

Какой смысл нам включаться в то же самое развитие водородной энергетики, когда у нас есть масса газа, газ дешевый, и мы должны развивать параллельную инфраструктуру по водороду. Это нонсенс по определению. В Европе это один из вариантов, который может рассматриваться.

Здесь говорили о том, что развивается угольная генерация. Наверно, все в курсе, кто-то, может, нет, что сейчас в Южной, в Юго-Восточной Азии строится 300 гигаватт угольных мощностей. Это больше, чем у нас вся электроэнергетика. В Европе сейчас строится порядка 35 гигаватт газовых и парогазовых установок. Они будут введены до 2030 года.

В параллели к развитию ВИЭ (возобновляемой энергетики) в Штатах. Кто смотрел последний американский прогноз развития энергетики до 2040 года, тот с удивлением увидит, что там ничего о водородной энергетике, даже слова, хотя они везде трещат, везде об этом говорят.

Они умные люди. Очень сбалансированное развитие энергетики. Там остается уголь в приличном количестве, остается газ, развивается ВИЭ. Кто-то сегодня сказал о районах, где это целесообразно – Калифорния. Великолепные ресурсы солнца. Зачем нам нужно в гипертрофированных объемах развивать ВИЭ? В определенных нужно, но в гипертрофированных зачем? У нас нет хороших ресурсов ВИЭ, у нас нет хороших ресурсов солнца. У нас хорошие ресурсы ветра там, на север, где никому не нужно. Спасибо.

Булат Нигматулин: Спасибо, Сергей Петрович. Вопросы или кто-то хотел бы сказать несколько слов?

Андрей Паршев: Реплика по поводу глобального потепления. Зачем бороться с глобальным потеплением в самой холодной в мире стране. У нас затраты на отопление в зимний период в зависимости градус туда, градус сюда, десятки миллионов тонн излишнего топлива. Зачем нам бороться с глобальным потеплением? Спасибо.

Булат Нигматулин: Кто еще?

Геннадий Салтанов: Добрый день. Я не собирался выступать. Представь меня.

Булат Нигматулин: Геннадий Салтанов, профессор МЭИ и не только МЭИ, был одним из руководителей ВНИИАМ (Всероссийский всесоюзный исследовательский институт атомного машиностроения), мой давнишний товарищ.

Геннадий Салтанов: Дорогие друзья! Прежде всего, я хотел бы поблагодарить моих друзей коллег, братьев Нигматулиных, поскольку они затронули один важнейший вопрос,

Георгий Кутовой меня потом поддержит, относительно адекватности, ментальности выросшего поколение современным вызовам. Была проблема, когда один известный вождь сказал: «Нам нужно 50 лет догонять страны, а у нас есть только 10 лет». Был создан так называемый ликбез один.

Наступили 90-е годы. Очень хорошие энергетики стали сильно путать тендеры, инвестиции с инновациями. Тогда был создан ликбез два. Мы возродили институт повышения квалификации энергетики. Георгий Кутовой был активным участником в разного рода деловых играх, когда вы пытались разобраться, что кому что и почему нужно.

Прошло 30 лет. Сегодня братья Нигматуллины высказали важнейшую фразу, которая, как грозная туча, нависает над всей энергетикой и над страной в целом. Это неадекватность. Выросло поколение потребителей. Мы его выращивали 30 лет. Я тоже в какой-то степени приложил руку к воспитанию рыночных людей. Не пора ли возродить ликбез три? Инженер – это звучит гордо. Спасибо.

Булат Нигматулин: Нас все время подвело, уже будет следующая сессия. Я всех благодарю за активность, наших спикеров. Я надеюсь, что мы чуть-чуть затронули. Вы хотите сказать, Георгий Петрович?

Георгий Кутовой: Я предлагаю, чтобы мы не просто поговорили и разошлись, а все-таки всем отсутствующим сформулировать предложения, рекомендации нашего совещания с тем, чтобы оно вошло если не в общее решение форума, то направить его нашему министерству, чтобы они учли нашу точку зрения.

Булат Нигматулин: Спасибо. Хорошее предложение. Спасибо всем!